

Однажды — мы совсем недавно познакомились — я попросил Алексея Петровича написать мне несколько слов на обложку моего первого (и, подозреваю, последнего) поэтического сборника. Цветков ответил: «Ох, ну смотрите. Потому что я, признаюсь сразу, человек достаточно свирепый и принципиальный и стараюсь не делать поблажек по дружбе. Если не боитесь — высылайте». Я не испугался, отправил ему сборник — и он пропал на две недели. Я тогда написал ему — дескать, я совсем безнадежен? «Все не так плохо», — ответил он и прислал пару предложений, которыми я буду гордиться до конца своих дней.

Нас познакомил мой старинный друг Илья Шехтер, не перестаю благодарить его за это. «Приезжает Цветков, — написал он мне как-то, — хочешь его вечер?» Я, понятное дело, хотел. «Но вам надо сначала познакомиться», — написал мне Илюша, и мы пошли к нему в гости, потому что Цветков у него жил. Пришли, познакомились, выпили бутылку водки. Мы совершенно влюбились. Алексей Петрович тоже, кажется, отвращения не испытал. А потом у нас прошел гениальный его вечер, это было лет, думаю, пять назад.

Потом он окончательно обосновался в Израиле, и так получилось, что мы стали его куда-то возить — когда собиралась компания, в которую были званы и мы, и он, мы заезжали за ним и ехали выпивать и разговаривать. Ездили, смеялись, вечерами почему-то все время заканчивался бензин, один раз поехали на ближайшую — по навигатору — заправку и оказались в чистом поле. Потом каждый раз смеялись — вот, мол, опять бензин заканчивается, — а он пару раз, действительно, заканчивался. Но всегда выбирались.

Казалось, что мы много общаемся — но мы, конечно, общались непросто и мало, сейчас особенно понятно. И вечера его стихов делали не так часто, как хотелось бы. На вопрос о том, не хочет ли он почитать у нас что-нибудь, Алексей Петрович обычно отвечал: «Ну, в принципе, можно». И вообще отвечал односложно, вряд ли я когда-нибудь опубликую нашу переписку. Зато вот общение с ним было упоительно. Он и сам говорил, что в диалоге смотрится лучше, чем в монологе, хотя лукавил конечно, он и в монологе был блистателен, ум сочетался в нем с невероятной эрудицией, обширные знания — с умением ими пользоваться, а язвительность и чувство юмора — с умением слушать собеседника. Сейчас пишу это — и слышу, как он смеется по-настоящему смешным

анекдотам, и вижу, как он внимательно слушает других поэтов, не только друзей, но — поэтов вообще, ему по какой-то причине неизвестных, и с каким восторгом отзывается о тех, которые ему действительно понравились. Я не раз наблюдал это его удовольствие от услышанного.

Как-то так получилось, что за три с лишним года, которые он прожил в Израиле, он стал очень близким человеком — мне были важны его реакции, его оценки и суждения, мне было важно иногда слышать этот его смех. Я обожал, как он читает свои стихи — казалось, почти без эмоций, но совершенно завораживающе.

Мы издали его книжку, которая оказалась последней. В середине февраля, после его вечера, договорись выпить с ним чачу. Выпили уже без него.

Я очень люблю стихи Алексея Петровича, это понятно. А вот что мне не очень понятно, это как теперь нам всем без него жить.